

Любить нельзя забыть / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Любить нельзя забыть / рассказ ЛЮБИТЬ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ

– Поехали посидим где-то?

– Можно.

Они садятся в машину. Какое-то время едут молча. На виадукe он сворачивает на заправку. И она понимает – он передумал куда-то ехать, они будут пить кофе здесь.

Он выходит из машины и покупает кофе в заправочном кафе. Себе американо, ей капучино с корицей. На улице холодно и ветрено. Они садятся за столик летней террасы. Ветер задувает со всех сторон и треплет салфетки на столе, её волосы, закрытые зонтики, закручивает в спирали выброшенные обёртки и прочий лёгкий мусор у обочины.

– Разобралась в себе?

– Похоже на это.

– Уверена?

– Наверное да, если я перестала об этом задумываться.

– Ты с ним?

– Да.

– Ты счастлива?

– Наверное.

Долго, глаза в глаза безотрывно смотрят друг на друга. Он стремительно встаёт, выбрасывает бумажные кофейные стаканчики

– свой и её.

– Поехали?

Она кивает, не спрашивая – куда. Она оставляет за ним право решать – отвезти её домой или выбрать другое направление. Как делала всегда, подчиняясь его выбору. Полагаясь на него. «Как решит, так и будет» – думает она.

С одной стороны, она прямо сейчас встала бы и ушла. С другой стороны, она хочет как можно дольше быть рядом с ним. Она

чувствует в нём такие же противоречивые желания. И понимает его. Мучительно быть рядом. Мучительно вот так быстро расстаться.

Машина трогается. Какое-то время бесцельно наворачивают круги по их району. Он останавливается напротив цветочного базарчика. Но не выходит. Сидит в машине, закуривает. Она понимает его внутренний порыв: хочет купить цветы, потому что редко покупал их ей просто так, без повода. И сдерживает себя. «Я подарил бы, но ты теперь не моя, ты сама сделала этот выбор».

Он выбрасывает в окно окуроч и заводит машину, но не трогается.

«Не решился» – с некоторым сожалением думает она. И сожалеет она не о не купленном букете, а о том, что могло быть и чего теперь уже нет между ними. О том, что он боится казаться слабым и уязвимым. Об этой дурацкой игре, причиняющей сейчас боль им обоим... А букетов в их жизни и так было много. Она помнит почти каждый из них. И этот не купленный сегодня, тоже считает подаренным ей.

Они едут дальше. Бесцельно петляют по улицам, удаляясь от дома. Она чувствует, как он борется с желанием поскорее расстаться с ней и, в то же время, как можно дольше быть рядом.

– Ты торопишься?

– Нет.

Мелькают улицы, люди, машины, сиротливо раскачиваются голые ветки апрельских деревьев. Город кажется ей ослепшим и глухим. А он никак не может справиться с чувством, что рядом сидит уже не его женщина – настолько же желанная, насколько и чужая. А она никак не может справиться с чувством, что рядом сидит уже не её мужчина – настолько же родной, насколько и незнакомый.

Они едут по городу, потом за город: потому что их маленький город заканчивается так же быстро, как отпущенное им время, а дорога бесконечна и длинна, как жизнь, конца которой никогда не видно заранее. И отпускать её ему теперь уже совсем не хочется. Они едут туда, где его оглушительное одиночество пыталось забыть её. Куда они приезжали с друзьями, когда ещё

были вместе. Где на время примирившись, снова были одним целым, а сквозь её платье и волосы просачивалось ленивое солнце. Где позже он убивал себя, плакал от бессилия, больше всего ненавидел и больше всего любил её, умирал и, выжив, всегда уезжал с чувством, которое было сильнее его и всего остального в жизни – он любил её. Именно с этим чувством, освобожденный и пустой – обретая покой на какое-то время – каждый раз он уезжал отсюда.

– Я все еще люблю тебя. Я не могу не любить тебя. Я пытался забыть. Пытался ненавидеть и растравить в себе это чувство. Но я не могу. Ты сильнее всего этого. Я не могу тебя забыть. Не могу вычеркнуть. Не могу перечеркнуть свою жизнь с тобой. Нашу жизнь. Мы треть жизни были вместе. То, какой я – это ты. Ты научила меня быть собой.

– Я благодарна тебе за все. И за боль, и за радость.

Она чувствует облегчение. Необъяснимое спокойствие. Словно что-то большое и цельное на время снова вернулось к ним. То, что всегда было неделимым между ними. А потом вдруг оборвалось, обрезанной пуповиной, где каждый сам переживает свою боль разделённости.

– Я больше не молюсь. Он не помог, когда я просил вернуть тебя.

– Твоей самой большой ошибкой было разделить меня с сыном. Я никогда бы не ушла от него. В этом был и твой шанс. Ты знаешь, какой матерью я была.

– Он сам сделал выбор.

– Это неправда. Ты сыграл на его чувствах.

– Я думал, так будет лучше.

– Мне без него?! Ему без меня?! Только он и мог меня удержать. Тогда и потом. Навсегда. Я снова смирилась бы. И всё простила тебе. Ради него.

– Парадокс, я пытаюсь вспомнить что-то плохое, что было между нами, и не могу. Мне было хорошо и спокойно с тобой. Знаешь, нет ненависти, нет обиды. Я понял, глядя на тебя сейчас, что уже не хочу и не смогу жить с тобой. Не хочу, чтобы ты возвращалась. Не могу уже представить жизнь вместе. Но мне плохо без тебя. Мне все еще не хватает тебя, и я все еще люблю

тебя.

Он не решается спуститься к реке. Он хотел бы утопить в ней сейчас нахлынувшее с новой мучительной силой прежнее чувство. Но он не решается спуститься к реке. И потому, что не хочет воспоминаний о боли, испытанной здесь в одиночестве. И для того, чтобы не касаться памятью того времени, когда они были тут вдвоём. Он хочет удержать то, что все ещё есть между ними. И не хочет топить это последнее, цепляясь за него. Чтобы удержать и удержаться.

Когда-то они хоронили надежду. Надеждой была мать их кумы. Она умерла первой, когда они решили больше не быть вместе.

– Если бы с нами всё было по-другому, если бы у тебя никого не было, у меня не было бы никого, и мы бы не знали нас прежних – просто не знали бы НАС! – но ты, зная, какой я мужчина, согласилась бы быть со мной?

– Ты имеешь в виду секс?

– Да.

Она улыбается, с вызовом глядя ему в глаза.

– Мужчина! Вечно носишься со своим членом!

Он поднимает брови и пожимает плечами:

– Ну, мне это важно знать!

– Да, я была бы с тобой. Потому что ты хороший мужчина.

– Она говорит, я лучший. Я лучший мужчина? Я лучше его?

– Ты очень хороший мужчина. И ты лучший мужчина. Но я не буду сравнивать. Он тоже очень хороший. Он тоже лучший. Никто из вас не лучше, никто из вас не хуже. Это другое. Вы просто разные. Ты это ты. Он это он.

Она оглядывается по сторонам. Выпитый в городе кофе даёт о себе знать. А он слишком хорошо знает её:

– Хочешь в туалет?

Она кивает.

– Тут никого нет. Не ходи далеко. Можешь присесть за машиной. Обещаю не смотреть. Ну если только чуть-чуть, – переходит он на игривый тон и отходит.

Она с усмешкой закатывает глаза. Открывает дверь машины, чтобы прикрыться и старается сделать всё быстро и тихо.

– Но ты ни с кем не будешь такой откровенной и открытой, как

со мной, – слышится из-за машины его голос. – Ты даже сейчас можешь пи́сать рядом. Всё ещё можешь.

– Да, – отвечает она, застёгивая джинсы.

Она думает, что не станет его убеждать в обратном. Не нужно. Это незначительная мелочь, но это важно для него. Пусть верить в то, что это именно так.

– А ты? Как у тебя с нынешней? Тебе хорошо с ней? – переводит она разговор в другое русло. – Ты счастлив?

– Я встречаюсь с ней, но сплю с другими женщинами. Понимаешь? Делай выводы сама, насколько она мне нужна.

– Ну, мне сложно делать какие бы то ни было выводы по этому поводу! Когда-то, когда ты жил со мной и говорил, что любишь только меня, у тебя были другие женщины. Одно другому не мешало.

– Это другое. Ты была моя. Единственная. Понимаешь? А она не моя. Я просто с ней иногда сплю. Да, с ней хорошо. Она красивая. Она неглупая. Но... Не знаю. Я не уверен, что она та самая, моя. Мне не хочется что-то делать для неё, не хочется радовать. Для тебя хотелось.

– Почему же не делал?

– А разве не делал?

– Делал. Иногда. Когда очень хотел.

– Она другая. Всё время пытается меня построить. А мне это неинтересно. Устроила скандал за то, что я не встретил её в аэропорту.

– Почему же не встретил?

– Потому что она не ты. Тебя бы встретил. Как всегда встречал. Хоть иногда мне было это больно. Не больнее, чем, когда уезжала, но всё-таки. А её – не поехал. Проснулся, подумал, что хочу спать и не поехал. И на День рождения только букет цветов купил. Решил, что для неё этого будет достаточно. Для тебя бы искал хороший подарок. Мне нравилось дарить тебе подарки.

– Да, ты всегда умел делать отличные подарки. Это правда.

– А сейчас мне пофиг. Для неё пофиг.

– Снова наступаешь на те же грабли.

– Я уже не знаю, что правильно. Какое-то душевное отупение.

Понимаешь?

– А она, наверное, хочет уже и детей тебе рожать?

– И не она одна. Знаешь, как я понимаю, что у меня ничего не может быть дальше с конкретной женщиной? Когда я провожаю её, она выходит из машины и не оборачивается, чтобы помахать мне на прощание. Ты меня этому научила. Я понял, что это очень важная часть отношений. В последние годы мне не хватало в окне твоего силуэта, провожающего меня.

– Ну, что, ты переступил порог, о котором говорят психологи: 11 женщин после развода, пока найдёшь ту, свою? – снова переводит она разговор.

– Давно и namного. Психологи врут.

– Ого! – она улыбается, понимая – он хочет её этим зацепить. Но камешек пролетает мимо цели. Её это не трогает. Она вдруг пытается представить его в постели с другими женщинами. Но у неё ничего не получается. Не получается у неё и представить себя в постели с ним. Теперь нет. Вспомнить да. Но и то нечётко. Она тут же глушит в себе этот образ и саму мысль – это слишком неправильно по отношению к себе. И по отношению к нему. И по отношению к мужчине, которого она любит теперь, и который теперь любит её. Это было бы предательством. Как странно, когда они были мужем и женой и он ей изменял, в своих видениях она часто видела его с другой. Она чувствовала его измены. Знала о них. И тогда возникала картинка. Чёткая и ясная. От которой невозможно было избавиться. Особенно сильной она бывала в минуты их близости: в темноте, она видела его раскачивающееся над другой женщиной тело. И тогда она беззвучно плакала. Так, чтобы он не заметил и не догадался. А мучительное видение всё висело и висело перед нею, раскачиваясь и уничтожая, раздавливая её изнутри.

– Доказал своё мужское?

– И не единожды.

– Ну, я это уже поняла. А чего расставался? Кто был причиной?

– Я. Ты разве ещё не поняла. Я не могу просто так. И любить никого не могу. Пока во мне есть это чувство к тебе, я не могу никого полюбить. Я даже стал бояться, – а что, если я никогда уже больше не смогу любить?!..

– И в чём именно твой страх?

– Боюсь в итоге остаться один. И, знаешь, что самое страшное? Что меня уже это не пугает. Я привыкаю. Вот чего я боюсь – привыкнуть жить без любви. Я расстаюсь с очередной женщиной и ловлю себя на том, что совершенно ничего не испытываю. Вот сидит напротив человек, хороший вроде человек, с которым мне неплохо, вроде. Она плачет и говорит, что любит меня. А я жду, когда же она наконец выйдет из машины и навсегда исчезнет из моей жизни. Меня это раздражает. Меня она раздражает. А она плачет. И не уходит. Приходится ей помогать.

– Как?!

– Открывать дверь машины и вытаскивать её оттуда. Я понимаю, что я становлюсь каким-то подонком по отношению к ней. Что она не виновата. Но ничего не могу поделать с собой. Я не люблю её и себя ломать больше не хочу.

– Мда... Тяжело быть причиной чьих-то страданий. Не важно – вольно или невольно.

– Вот это меня и пугает. Понимаешь?

– Понимаю.

– Я нравлюсь женщинам. Ни одного промаха. Не было такого, чтобы с кем-то не получилось. Просто к каждой нужен свой подход. А, по сути, всегда со всеми одно и то же. Но я не хочу. Просыпаюсь утром в очередной постели и думаю: «что я здесь делаю, зачем это мне?!» И ухожу. Совсем. Они потом звонят, пишут... Одна даже пригласила быть крёстным своей дочери.

– Согласился? – смеётся.

– Нет, конечно, хотя в этом отказывать нельзя. Ты же знаешь, как серьёзно я к таким вещам отношусь.

– Вот видишь, какой ты замечательный! – она не скрывает сарказма. – Женщины тебя и хотят, и любят, и если не могут заполучить в отцы своего ребёнка, то хотя бы в крёстные!.. А как же ты успел с ней? Когда? Раз она уже и ребёнка после вашего расставания успела родить? И замуж, наверное, же вышла? Или она уже была замужем, когда с тобой...а?

– Нет! – он говорит это как-то неуверенно. И тут появляется эта его «ясновзглядая улыбка» которую она так хорошо знает. Он

так смотрел всегда, когда врал в глаза. Впрочем, сейчас она уже не уверена, что он врёт. Она почему-то ему верит. А привычки...они тоже меняются. Она уже не знает его так глубоко. А может, и раньше в этом ошибалась.

– Ага, прям вот, штамп в паспорте просишь показать сразу при знакомстве, или перед тем, как в постель её уложить?

– Я не встречаюсь с замужними. После всего того, через что сам.

– Теперь мне уже всё равно. Теперь это уже не мои проблемы... Так и что твоя нынешняя?

– Тащит меня знакомиться с отцом – он какой-то чин, – хочет перевести всё в официальный статус. А я не хочу. Она начинает меня шантажировать, что тогда не будет секса.

– Ого! Круто она тебя в оборот берёт. Такие манипуляции. Молодец баба! Прости, – не может сдержать усмешку она.

– Думаешь, я не понимаю? Но мне плевать. Я сказал ей: «Тебя не устраивает так, как есть? Я могу уйти. Подумай, кому от этого будет хуже?!»

– Ты стал циничным.

– Учителя хорошие попадались... – Он смотрит на неё и закуривает. – Извини. Я запутался. Я просто хочу начать жить. Ты была другой.

– Ты все время сравниваешь её со мной и цепляешься к тому, чего в ней нет, что было во мне. Всех их.

– Да. Наверное.

– Понимаю тебя... Может просто принять, что она это она, а я это я? Такой как я больше никогда не будет. Не потому, что я такая неповторимая и распрекрасная.

– А может именно поэтому. Только я слишком поздно понял.

– Знаешь, когда у меня с ним происходит что-то не так, я тоже за это цепляюсь и сравниваю. Сравниваю вас. И иногда сожалею о том, чего нет с ним, и к чему я привыкла с тобой. Но я поняла, что это нормально. Мы с тобой всю жизнь прожили. Прижились и проросли друг в друга. У нас столько общих привычек, взглядов, понятий. Я поняла, что буду вспоминать то хорошее, что стало привычным для нас с тобой. Наверное, не находя это в отношениях с другими, и ты и я будем сожалеть. Сожалеть,

понимая, что это было только наше. Наша любовь, наша жизнь. И, знаешь, хорошо, что это не повторится! Будет что-то другое хорошее с этими новыми людьми. А наше уже не повторится. Я стараюсь отпустить. И перестала сравнивать. Иначе невыносимо... Просто отпусти. И не сравнивай. Это унижает твои отношения с ней и мои отношения с ним.

– Я понял, что для меня важно в отношениях. Совпадение по трём параметрам: взгляды на жизнь, отношение к деньгам и физиология – когда меня не раздражает запах этой женщины и устраивает секс с ней.

– Да, деньги для тебя всегда были важной составляющей. В этом мы отличались всегда.

Он делает вид, что не заметил её язвительности:

– У нас с тобой были общие взгляды и хорошее совпадение в постели... Тебе хорошо с ним?

– Хорошо.

– Как со мной?

– Он не ты. Я не сравниваю. Ты не лучше, и он не хуже. Вы просто разные. Это необъяснимо.

– Любишь его?

– Люблю.

– А меня?

– И тебя. Но это уже другое.

– Думаешь, сможешь жить с ним, любя меня? А он? Сможет он жить с тобой, зная, что ты меня любишь?

– Он знает об этом. И любит меня с моей любовью к тебе.

– Ты не ошиблась?

– Нет.

– Я рад за тебя, если это так. Не боишься будущего?

– Нет. Я давно стала жить сегодняшним днем. Моментом. Как будет, так и будет. Мы с тобой всю жизнь прожили. Но мир рухнул. Ад на земле. Но я выжила. И ты выжил. Всё остальное в сравнении с этим уже никогда не сможет меня убить.

– Но ты понимаешь, что может быть хуже? Понимаешь, что рано или поздно всё всё равно начнет повторяться? Мужчины полигамны. И ты снова столкнешься со всем тем, от чего бежала со мной.

– Понимаю, что это возможно. Но не боюсь. Между нами есть другие более важные вещи, которых не было с тобой. Я успокоилась, я перестала изводить и обвинять себя, я наконец начала дышать и жить. Я перестала ежедневно просыпаться и засыпать с мыслью о тебе, перестала постоянно по несколько раз за день смотреть есть ли ты в Вайбере.

– Ты тоже?!.. Я удалил все наши переписки, чтобы не заглядывать и не перечитывать их. Я удалил твои номера телефонов. Я заблокировал тебя. Мне очень тяжело.

Он прислоняется к машине, упираясь согнутой в колене ногой о бампер. И снова закуривает. Она тянется сигаретой, он подносит зажигалку. Она прикуривает и думает о том, какая это только и именно его поза. А ещё о том, что знает – она никогда не удалит его номер, его фото, сделанное ею тогда в Одессе – в те их выходные вдвоём. И никогда не изменит в телефоне имя, которым всегда его называла.

– Но иногда я всё еще наблюдаю за тобой в Фейсбуке, – продолжает он прерванный разговор.

– Зачем?

– Не знаю. Не могу отпустить. Хочу видеть тебя. Видеть твои глаза. Видеть твою улыбку. Смотрю и понимаю – ты снова куда-то едешь. И радуюсь, что уезжаешь ты уже не от меня. Радуюсь с каким-то мучительным облегчением, что уже не жду тебя. Радуюсь, что уже не я жду. И мучаюсь, что не от меня, не со мной... Смотрел фильм «8 таблеток». Короткий, сняла какая-то армянка. Смотрел и ловил себя на том, что это все про меня.

– Я не смотрела.

– Посмотри. Не знаю, так ли это у тебя. Наверное, есть разница. Ты нашла другую любовь. А я потерял. Потерял именно тогда, когда понял насколько сильно и как вообще я умею и способен любить.

– Если бы не потерял, так и не понял бы.

– Да. От этого ещё хуже. Я всё проебал сам.

– Мы оба. Пятьдесят на пятьдесят.

– Ты скучаешь по мне?

– Да.

– Я тебе снюсь?

- Постоянно.
- Как?
- По-разному.
- Но мы там вместе?
- Иногда да.
- Ты все время снишься мне. Думаешь мы смогли бы?
- Думаю, что об этом уже не нужно.
- А я теперь знаю, что не хотел бы с тобой жить! – он словно убеждает себя и пытается своей уверенностью убедить её. – Не хотел бы всё начинать заново. Не с тобой! Но... Жизнь такая, что я уже ничего не знаю. Что будет потом? Кто может знать? В одном ты была права тогда в парке: я не знаю, сколько лет и людей должно пройти между нами, чтобы мы когда-нибудь смогли начать всё с чистого листа. Может быть это будет. А может быть никогда. Сейчас я уже не хочу. Я хочу жить. Я хочу тебя забыть. Я хочу не любить тебя! Но я не могу. Не могу, понимаешь?! Я только вроде обретаю покой, но появляешься ты, и все вновь летит в эту воронку, и я уже опять не могу из нее выкарабкаться... Оставь меня в покое! Прошу. Не появляйся. Дай мне жить. Я не могу. Я оказался слишком слабым.
- Но я не влезаю в твою жизнь намеренно. Извини, что умер отец...

И она вспоминает о том, как стояла у гроба и смотрела на худое изменившееся лицо отца. Она не стеснялась своих слёз. Знакомые и соседи шушукались, видимо обсуждая, что на похороны пришли обе жены и дети от разных браков, сравнивали, кто из них с братом больше похож на отца. А в голове её крутились одна за другой мысли, обращённые к отцу: «Как жаль упущенного времени! Почему ты не захотел меня любить и не позволил любить себя? Разве перед любовью закрывают двери? Зачем ты лишил нас друг друга?» И ещё она ждала. Что он приедет. Или хотя бы позвонит, пришлёт сообщение. Ведь он же знает, как это для неё важно. Но он не приехал, не позвонил и даже не прислал сообщение. И тогда потом, после похорон, кормя в душе поднимающуюся волну ненависти к нему, она написала, что хочет расставить все точки над *i* в их отношениях. А он предложил встретиться. И вот теперь они стоят рядом у обрыва над рекой, говорят обо всём и

ни о чём, молчат, вспоминают, прощают и не могут простить, любят и пытаются забыть, и курят, курят, курят.

– Я не приехала бы, если бы не отец. И не собиралась с тобой встречаться. Хотя ждала, что ты придёшь на похороны. Но ты не пришёл.

– Прости. Я хотел, но потом подумал, что не уважал этого человека при жизни, и было бы лицемерием пойти на его похороны.

– Ничего, это не первый раз, когда ты меня оставил один на один с моими проблемами.

– Зачем ты так!

– Извини. Я понимаю. Просто я надеялась, что ты... А ты... И тогда я подумала, что значит пришло время всё решить. Я не хочу, чтобы ты писал потом отказ на чужого ребёнка, если я решу ему родить. Это было бы высшей степенью цинизма по отношению к тебе.

– Да уж.

– И я не хочу в спешке отправлять тебе согласие на развод, когда забеременеет твоя женщина.

– Она не моя.

– Пока. Ну, или любая другая, которая будет.

– Я боюсь, что уже никогда не смогу любить. И так и останусь с любовью к тебе, которая меня убивает. А я хочу жить.

– Ты найдешь себя в любви к ребёнку, который появится. Я может быть ошиблась в сроках, но мне кажется у тебя всё-таки будет дочь. В тебе столько теперь этой нерастроченной открывшейся любви. Может быть я нужна была тебе именно для того чтобы понять, на какую любовь ты способен? Но не по отношению ко мне. А к этому пока не рожденному ребенку.

– Ты научила меня любить. Я просто опоздал. Прости.

– Все в жизнь трагедии от несовпадения по времени... Наш сын был рождён в большой любви и от большой любви. Я ни о чём не жалею.

– Я не могу себе представить никакой другой женщины, которую я хотел бы видеть матерью моего ребёнка. Понимаешь?! Для меня это только ты!

– Пока это так. Понимаю. Прости.

– За что прости?! Я сам всё проебал. Буквально. Думал, что всё хорошо. Что ты знаешь, что я тебя люблю. Только тебя. Остальное всё ерунда и не важно. Ты взрослая девочка и всё поймёшь. Оказалось, что не смог тебе дать это понять, не смог сделать тебя счастливой. Ты меня прости... Пусть он окажется тем, кто сумеет понять тебя. Я хочу, чтобы ты не ошиблась. И знай, всё что я говорил раньше – остаётся в силе. Несмотря ни на что. Если когда-нибудь тебе нужна будет моя помощь, я всегда приду. И если, не дай бог, он обидит тебя – так ему и скажи! – я буду сам разбираться. Я не твой отец. Я не закрою перед тобой двери. Что бы в жизни ни было, и как бы между нами в дальнейшем ни сложились отношения. Ты можешь рассчитывать на мою спину. Так же, как это было всегда. Прости, что раньше я не давал тебе это почувствовать. Но ведь так было!

– Иногда. Чаше я решала свои проблемы сама. Будучи с тобой. Мои проблемы были моими. Мы были вместе, но я была одна. Было и так. Но в самые критические моменты, ты всегда был рядом. Да. Это правда. Я знаю, что на тебя можно положиться. Спасибо. Спасибо ещё и за это теперь.

– Поехали?

Она кивает, не спрашивая – куда. Как делала всегда. Она знает – он принял её выбор.

Они садятся в машину. Он накидывает ремень. Заводит двигатель. Она накидывает ремень. Открывает окно. Он поворачивается к ней.

– Можно я обниму тебя?

Она молча поворачивается к нему. Ремни натягиваются, стягивая жилы и сковывая движения. Она обнимает его так крепко, как только может. Он обнимает её так сильно, как не обнимал никогда. Она чувствует его запах. Такой родной и знакомый. Она ощущает щекой, как пульсирует артерия на его шее. Она слышит, как стучит его сердце. Или это её? К горлу подкатывает душный комок. Она могла бы никогда его не знать и много лет назад пройти мимо по одной из улиц их маленького города. И тогда теперь было бы легче. Она могла бы его ненавидеть. И это было бы объяснимо. Она могла бы его забыть. Но память-суку не обманешь. И сейчас где-то внутри, в её груди растёт и

разливается невыразимое чувство блаженного страдания. Большая невыносимая боль. Как будто освежывают душу. Может именно от этой боли и становится понятно, что душа есть. Душа есть любовь. И их снова начинает медленно затягивать в эту мучительную тёмную воронку... Но она не хочет больше страданий. Ни для себя. Ни тем более для него. Она отрывается от его запаха – такого родного и знакомого, от пульсирующей артерии на его шее, от его сердца, стучащего в унисон с её сердцем.

– Прости меня за всё.

Он отрывается от её запаха – такого родного и знакомого, отпускает её мокрую щеку от своей пульсирующей на шее артерии, и разделяет биение их сердец натянутыми ремнями безопасности.

– И ты меня прости.

Машина трогается. Пригород заканчивается так же быстро, как пробежавшее время. Вечерний город поглощает их машину в утробе своих улиц, вмешиваясь в их пространство своими огнями и звуками других человеческих жизней.

Он поднимает стёкла и в машине становится тихо.

– Если когда-нибудь ты поймёшь, что любишь только меня...

Об авторе: ВИКА ЧЕМБАРЦЕВА

Поэт, прозаик, переводчик, культуртрегер. Родилась и живет в Кишиневе. Публикуется в журналах «Дружба народов», «Новая юность», «Октябрь», «45 параллель» и других российских и зарубежных литературных журналах и сборниках. Автор книги поэзии «Тебе» (2010) и коллективного сборника «Шелест олив» (2014). Лауреат 8-го Международного литературного Волошинского конкурса, V международного конкурса молодых российских поэтов зарубежья «Ветер странствий», Международной литературной премии «Серебряный стрелец 2010», Казахстанской литературной премии «Алтын Калам-2011» и др. Координатор фестиваля молодых писателей Молдавии и Приднестровья «Бессарабская осень» (организатор – фонд СЭИП, Кишинёв 2014) и кишинёвского поэтического фестиваля «Акценты» (фонд СЭИП, Кишинёв 2015). Член международного оргсовета литературного фестиваля

«Литературный ковчег» (Ереван). Член Ассоциации русских писателей Молдовы и Союза писателей Москвы. Награждена медалью «Григор Нарекаци» Министерства культуры Армении «За значительный вклад в деле развития культурного сотрудничества между Арменией и иностранными государствами» (2014). Составитель (совместно с Е.Шуваевой-Петросян, Г.Гиланцем и Д.Матевосяном), автор идеи проекта, переводчик, билингвы современной армянской/русской поэзии «Буквы на камнях» (М., «Художественная литература» 2013). Стихи и проза переводились на английский, итальянский, сербский, румынский, армянский и узбекский языки. Автор русского перевода поэтических книг итальянского поэта Клаудио Поццани «La marcia dell'ombra /Марш тени» (Ереван, «Зангак» 2013) и «Генуя хандрящая» (М., «Русский Гулливер» 2015). Живёт в Кишиневе, Молдова. Нека՛յալար